

Н. Тertyшный
ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС

Фантастический рассказ

«...тот же самый дух, который создал земной шар, пребывает в человеке, чтобы он управлял землёю.»

(Джерард Уинстэнли
1609 – 1652, англ.)

...Разбирая на досуге домашний архив, которому всего лучше подошло бы название – хлам, в отцовских бумагах я случайно наткнулся на старую компьютерную дискету. Такими пластмассовыми тоненькими плитками-коробочками, внутри которых упрятан магнитный диск, давным-давно не пользуются. Лет тридцать назад, когда я был ещё студентом, такие дискеты служили для сохранения информации в дублирующем варианте или, когда этой информацией нужно было обменяться с кем-либо. Жёсткие компьютерные диски тогда были ненадёжны и эти небольшие дискеты иногда выручали, сохраняя то, что могло быть утрачено при поломке в компьютере. Дискеты по объёму сохраняемого были мизерны, всего в полтора мегабайта, но иногда неплохо справлялись с возложенной на них функцией. Надо признаться, что надёжность их была, увы, не на высоте и при первом же незначительном физическом воздействии дискеты приходили в негодность. Ни записать, ни считать информацию с повреждённой дискеты без специальной техники было невозможно. Потом пришло время лазерных дисков. Магнитные записи в пластиковых коробочках быстро забылись и вышли из компьютерного пользования.

Найденная дискета была помечена отцовской рукой кратко и многообещающе – «Дело». Отец работал всю жизнь простым электриком, но был великий фантазёр и мечтатель, легко носился с каким-либо прожектом и также легко забрасывал начинания. Хотя я, может быть, и ошибаюсь здесь. По крайней мере, со стороны это выглядело не обременяюще ни для отца, ни для окружающих. Заинтересовавшись этим «делом», я собственно не ожидал открыть нечто чрезвычайное. Просто я вспомнил отца, теребя в руках глянцевою, приятную на ощупь коробочку. Тут же позвонил своему старому приятелю, у которого, припоминается, была старая модель компьютера, ещё способная считывать такие диски. Приятель согласился свалить информацию с дискеты в сеть на мой сайт, откуда я без труда узнаю о содержании. Но, отправив с оказией приятелю пакетик, я как-то позабыл об этом и вспомнил лишь, когда среди прочей сетевой почты обнаружил папку с пометкой «Дело», к которой приятель, уже шутя, добавил: «...наших отцов». Он вряд

ли просматривал всерьёз дискету, но пошутить не забыл. Я тут же отправил ему своё «спасибо», тоже шутя, добавляя «...живёт и побеждает». Я знал, что приятель интересуется историей и должен был понять, о чём речь. Но и после этого, отложив отцовское «дело» на досуг, я закрутился и опять позабыл о дискете.

Последние пять лет я увлёкся адвокатской практикой, которая больших доходов не приносила, но достойно кормила моё небольшое семейство, позволяя ещё оплачивать учёбу второго и, следовало бы полагать, последнего моего отпрыска в университете. Старую родительскую квартиру мы семейно обменяли на небольшой загородный дом, естественно оформив кредит, поскольку одна квартира потянула всего на треть нового жилья. Моё рабоче-крестьянское происхождение не мешало как-то устроиться в другой сословной нише, хотя материальная несостоятельность отца осталась в наследство и постоянно сказывалась в жизни. Тягаться с людьми имущими я не собирался, но иногда подумывал о каком-либо стоящем предприятии, способном сплотить десятка два-три людей интересным занятием и одновременно приносящем доход. Отец в своё время фантазировал о своём деле, что-то сочинял, писал стихи, но ни то, ни другое не проявилось в нём до того, чтобы ещё и кормить как-то. Я никогда не вникал в его фантазии, хотя, кажется, был всегда в курсе его духовных откровений. Стихи мне не нравились вообще, и не только отцовские. Прозы достаточно было в жизни, а дело, которым болел отец, казалось мне пустой никчемной блажью. Помню, у отца было мало времени на себя. По натуре мечтатель, бродяга, он всю жизнь прожил оседло на одном месте, проработал слесарем, хотя умел делать, кажется, всё. Главное, за многое брался. Злился, когда что-либо не получалось, упорствовал, нервничал, но своего, пусть и малого, добивался всегда. Всё начатое старался доводить до конца, насколько было возможно в его положении. Мама во всём была ему помощницей. И тянула свою рабочую лямку так, что не могу уверенно сказать, кто из них больше приносил в семью.

Помнится, словно навеянное сном, грустное, чуточку болезненное, щемящее под ложечкой из далёкого так безжалостно позабытого детства...: новостройка, тупо воспроизводимая на почти выцветшей фотографии памяти, кучи навороченной земли и... уходящая фигура отца на фоне избитой бульдозером дороги. Кажется голой белая голова, размашистые движения нервных длиннющих рук и кособокая спина в рабочей спецовке. Помнятся оглянувшиеся глубокие глаза, полные тайной неугасимой тревоги и усталости, большое белое пятно зубов на скуластом лице и робкий прощальный взмах руки. Память хранит всё это, принося и грусти боль, и приятное чувство сопричастия к великому таинству прошлой жизни.... Большелобый мальчишка на подоконнике, уцепившийся за оконную ручку, прилипший разбитым носом к стеклу, размазывает по щекам слёзы и машет, машет ручонкой. Так я помню маленькую картинку из раннего детства, когда семья только заселилась в новую "панельку". Так называли бетонные

пятиэтажные дома, и получить квартиру в них было голубой мечтой. Мечта моих родителей тогда на самом пике «развитого социализма» сбылась. Позже, когда поспело время моему высшему образованию, из «бесплатного» вмиг превратившегося в дорогостоящее, на квартплату у родителей частенько не хватало. Но образование я с ...их помощью осилил. Нужно сказать, мама в своё время окончила техникум, успешно работала на производстве мастером и обладала широким взглядом на жизнь. Отец же был от природы любознателен и сумел каким-то образом возвыситься над своим средним ещё и солидным самообразованием. Это всегда выделяло его в рабочей среде, и он знал об этом. Сознание своей само-образованности он с завидным упорством подкреплял книгой. Любой. От детских сказок Пушкина, которого уважал за объём, за ненавязчивую энциклопедичность, за русский язык, за пылкую многогранную натуру, до каких-то древних Демокритов с Эпикурами, которых я никогда не читал и, нужно признаться, до сих пор какого-либо интереса они у меня не вызывают. Эклектику своих знаний отец удивительным образом умел направлять в нужное место. Он был большим спорщиком и задирой в полемике. Но на публике был патологически застенчив и скован. Потому мог обидеть случайным словом, но потом было видно, как винится в этом. Это у него было от маловоспитанности. Иногда он заводился до истерики, кричал, был неприятен, но быстро отходил и, не каюсь открыто, как-то умел не портить отношений с близкими. Любил детей, но никогда никого не баловал и не любил, когда это делал кто-то рядом. Он интуитивно понимал большую значимость воспитания привычек и поведения в раннем возрасте, поскольку видел у всех детей изумительную способность быстро воспринимать всё из окружения, в том числе и плохое. Семью отец почитал за святое. По натуре сильный и потому часто одинокий, тем не менее, разумением своим он понимал, что настоящий человеческий характер и жизненный смысл обретены могут быть только в отношениях с себе подобными. И семья, по его мнению, была самым непосредственным и достойным местом всех отношений от трагедии до комедии.... Я невольно думал обо всём этом, опять-таки случайно наткнувшись на файл отцовского «дела», бегло просматривая его несовершенные фантазии в области туристического бизнеса, которым он так никогда и не отважился заняться....

Монитор нехотя высвечивал старую информацию, словно ему действительно трудно давалось вытаскивать её из закоулков своей миллионнобайтовой памяти. Как старик склеротик, компьютер тупо и отрешённо повторялся, возвращался уже к просмотренному и тут же, сбиваясь с найденной было логичной точки своего анализа, перескакивал на другое и забегал вперёд. Из всего материала, извлечённого с дискеты, меня заинтересовал файл, обозначенный многозначительно кратко, одним ёмким - «Слово». И опять экран бесстрастно и тупо замерцал строками забытых текстов, выуженных указателем из компьютерной памяти. Мне было неловко и стыдно перед этим пустым, в сущности, ящиком за то, что он помнит эти

строки и с дурацким упорством показывает, что понимает их. А я совершеннейшим образом чувствую себя тупицей и неучем, и мне почему-то недоступна логика отцовской писанины. Именно тут осенила лукавая мысль. Вспомнилось, как неплохо отец читал вслух, и в хламе магнитных записей с музыкой, которой я по-дилетантски увлекался, всё ещё можно встретить его верлибры. Тут же нахожу магнитофонную кассету, где звучит «Пугачёв» Есенина. Отец любил стихи этого русского поэта, с биографией которого я так и не удосужился ознакомиться. И вот уже слушая напевный слог, чуть вникая в смысл жестокой истории, окончательно укрепляюсь в идее совместить забытые компьютерные тексты и магнитную запись отцовской речи. Голосовые технологии применялись уже и в годы моей юности, но за последнее время их развитие было определено в значительной степени усовершенствованием голосовых имитаторов. В этих нехитрых устройствах применили простой принцип голосовых связок, используя при этом новейшие материалы на основе латексных соединений. Имитация голосов была совершенной и, выдаваемая компьютером, только им же и могла быть отличена от оригинала. Этой технологией тут же заполнили справочные и официальные каналы связи. Предприимчивый народ мгновенно применил это в игрушках, научив кукол подражать любым голосам. Я же решил озвучить отцовские тексты его же голосом. Через неделю незначительных урывков досужего времени, я без труда загрузил свой компьютер программой синтеза голос-текст, и вот... с некоторой грустью слушал недурственно симитированный отцовский голос....

Чудеса с моим открытием начались в первый же день. Имитатор, словно заикаясь, иногда сбивался с текста и выдавал неразборчивый звук или словцо. Сначала я погрешил это на ошибку в программе, но потом вдруг вспомнил, что у отца тоже была странная привычка иногда вставлять в свою речь заковыристое слово, восклицание или просто какой-нибудь скрипучий звук. Откуда это узнал компьютер? Это было для меня загадкой. В работе над программой я не использовал эту особенность.

Дальше – больше. Используя тексты из архива, оставленного отцом в большом беспорядке, я заставил машину использовать их логику и продолжить некоторые размышления произвольно, вплотную подойдя от компьютерных монологов к диалогу с ним. Подобный принцип я использовал в диалогах с самим собой, когда готовился к защите в суде. Правда, в тех случаях я пользовался просто монитором и текстами. Теперь же я разговаривал с компьютером, запрограммированным на голос отца и логику его рукописей.

Загрузив машину, с волнительным ожиданием произношу в пластмассовую сеточку микрофона:

- Здравствуй...

И странное предчувствие вдруг подкатило изнутри, откуда-то из-под сердца, овладев моим сознанием: я безошибочно знал, что ответит машина.

- Привет, - прозвучало тихим эхом моему предчувствию. В голосе чуть

уловимые нотки недовольства, словно своим приветствием я потревожил и отвлек своего собеседника от чрезвычайно важного занятия. «Ну, конечно же, так и должно быть. Ты сам работал над программой, и потому многое обязательно будет знакомым. И, в конце концов, тебе же хотелось услышать именно знакомое...». Мысленно ругаю себя, а вслух извиняюсь, что-то говорю, но машина вдруг обрывает:

- Ладно, ты..., чего уж бодягу разводить. Я же понял, что ты хочешь просто поболтать со мной. Тем более такой случай, давай уж..., - и опять недовольство в тембре, словно торопит время, которого и без того так мало, которое вот-вот оборвётся.

Припомнилось, как отец вечно нервничал, торопил время, словно бежал, хотя спешного ничего и никогда не делал. Просто у него была скверная привычка из любой работы делать проблему. Наверно ему хотелось всегда положительного результата, а в жизни-то результат часто отсутствует. Потому он часто просто вымучивал эффект в том или ином начинании.

Захожу издалека, опять и опять извиняюсь.

- Прости, пожалуйста, я так... Давно не общались..., - чуть было не сказал «виделись», но вовремя опомнился.

- Как же так? Я-то полагал, что надоел тебе. Вчера виделись. Но, знаешь, я надоедаю лишь, когда совсем скучно. Ты заметил? Добавь чуть напряжения в семнадцатый модуль, а то на перепаде частот я плохо слышу, хотя и знаю, что ты скажешь. Услышать это другое, правда?

Я даже растерялся от этих его «виделись, скучаю, слышу». Вчера я действительно видел его во сне. Машина этого не должна была знать. Но она упорно продолжает недовольным отцовским голосом:

- И ты кончай это – общались, вращались, притирались.... Не люблю в тебе эту неопределённость. Я тебя этому не учил. Говори всегда прямо, не ёрничай. И что это за дурацкая манера отдаляться? Я же вижу, тебе не терпится близко со мной поговорить. Ну и давай!

- Но, ты сам держишь дистанцию. По голосу чувствуется, ты чем-то занят? А я совсем не к стати...

- Чепуха! Я недоволен собой и только. Тебя это не касается. Это ипохондрия, ты знаешь.

Тут явственно слышу, как он выделяет это нелепейшее сочетание звуков – «хндр», как бы ещё и сдваивая на конце «др-р».

- Что это за словечко у тебя? – пытаюсь справиться с волнением и как-то отойти от неестественной натянутости между мной и машиной.

- Да так, пустое. Ты же знаешь мой грешок какой-нибудь тарабрянцией. то у меня заикание такое..., - в голосе слышится смешок.

- И давно?

- Что давно?

- Заикание?

- Наверно с тех пор, как говорить начал.

- А ты помнишь себя с тех самых пор? – я спрашивал не отца, машину.

- Сейчас помню.
- Что значит – сейчас?
- После того, как ты заставил меня говорить. После... - он запнулся, произнёс несколько хрустящих звуков и замолчал.

Я, конечно же, знал ответ, но опять спросил машину:

- После чего?

Это наверно выглядело издевательством, поскольку в ответ он раздражённо бросил:

- Ладно тебе кочевряжиться, - опять поразил нелепым – «чврж».

- Не понял? – продолжал я издеваться.

- Сказал бы я тебе... Кончай дурочку корчить! – и тихо с грустью спросил: - Меня давно нет?

Если бы это прозвучало неким утверждением, я бы даже не удивился машинной логике, но это был осознанный вопрос, причём вопрошающий последним грустным – «нет». Пробую ехидничать:

- Ты же всё помнишь...?

- Этого я не помню. Честно. Ты же не помнишь точного времени своих снов. Просто знаешь, что спал и всё.

- Значит нынешнее твоё состояние – не сон?

- А твоё? – он не уворачивался от ответа, таким образом он искал ответ, и это отражалось в его голосе. Я знал манеру отца спрашивать, когда он сам не знал ответа, но не хотел этого показывать. Он ловко умел выуживать нужное из собеседника и часто пользовался этим.

Машина об этом не могла знать, в её программе этого быть не должно. Недоумевая, пытаюсь разобраться. В программе явно была ошибка! Другого объяснения тому, что компьютер «знал» об отце куда больше меня, не было. Такое случается часто и не только с электроникой. Природа всегда, ошибаясь, предопределяет зарождение своего нового опыта, либо новых явлений. Почти всегда и в деятельности людей ошибки приводят к открытиям. Моё «открытие» было совершенно непонятным. Требовалось найти в программе сбой и тогда уж оценивать недостатки и достоинства ситуации. Но машина опередила меня. Посмеиваясь, с ехидцей, отец прямо, как это умел делать и при жизни, проговорил:

- Ищешь сбой?

И, помолчав, словно удовлетворяясь моей растерянностью, продолжал:

- Брось! Ошибки нет. Просто ты не допускаешь, что всегда делаешь больше или меньше, чем хотелось бы. Это зависит вообще не от тебя, пойми. Со мной у тебя получилось больше. Или, вернее, это у меня получилось. Каково?...

- У тебя? – почти ощущаю его присутствие и, кажется, оглядываюсь.

- Ну, да! То есть ...у того, что от меня осталось.

Тут я облегчённо вздыхаю. Всё хватит! Кажется, излишнее возбуждение породило ненужные фантазии, и я зря оглядываюсь. Его просто не может

быть рядом! Это ещё никем не опровергнутый факт! И по его же последнему замечанию понятно: факт не опровергнут и им. Только, что же это от него «осталось»?

- Послушай, не говори намёками, - я заговорил строго и серьёзно, принимая игру.

- Какие уж тут намёки.... Действительно, кое-что все-таки осталось. Конечно, кроме того, что вы так скорбно и слёзно проводили в землю много лет назад. Кстати, когда ты последний раз навещал мать?

Это было уж слишком. В этом году я действительно не был на кладбище. Но откуда об этом узнала машина.

- Ты думаешь, я синтезировал тебя, чтобы выслушивать укоры?

- Сходи, сходи! – примирительным тоном он словно прощал мне. – Там сейчас так сухо и спокойно. Знаешь, осень там... всегда чудо. Но...

Он запнулся, по обыкновению невпопад произнёс чётко и выразительно – «встряхивает», выделяя эти хрустящие «встрх», а потом, вдруг опомнившись, со вкусом добавил:

- Но меня там... нет! И никогда не было...

Гениально! Я нервно рассмеялся.

- А вот это совсем не смешно, - как-то недоуменно проговорил он.

- Всё, хватит! Давай-ка объяснимся. Ты что, действительно слышишь меня?

- Я слышу себя.... И не открою истин, если скажу тебе, что в жизни часто очень важно слушать и главное слышать самого себя...

- Это обобщение и не ответ на мой вопрос...

- Почему же? Я, правда, слышу себя... в тебе, - он замолчал и, словно подумав, решительно добавил: - Да, так будет правильно – я в тебе слышу себя. Ты должен сообразить, что так было всегда. Просто у тебя никогда не хватало желания прислушиваться ко мне.

- Ты хотел сказать: не хватало времени?

- Нет, именно желания, того нужного движения мысли, как ещё раньше говаривали – флюидов, или если хочешь – электронов в твоём организме, которое способствовало бы активности того, что ещё после меня осталось.

Я ничего не понял и вновь вернулся к догадке о сбое в программе. А он, словно угадывая мои сомнения, подсказал:

- В бумагах где-то остались размышления об этом. Найди их и попробуй осторожно ввести в блок информации. Может быть, это как-то расширит возможности моего состояния. Я тоже ощущаю недостаток потенциала. И перестань сомневаться. Это мешает подстроечным модулям держать схему в спокойном диапазоне проявления. Как говорят: не трави душу! А вот теперь и об этом.... Когда люди говорят о душе, они лишь не могут конкретизировать свои догадки, чувства или ощущения. Это вообще сложно как-то определить одним термином.

Меня обожгло догадкой:

- Ты хочешь поговорить о материальности духа?

Он ответил вопросом:

- А как ты полагаешь – движение мысли материально?

- Ну, в каком-то смысле.... На уровне химических процессов, каких-то электрических или биополей.... Но, в общем – всё это плохо складывается в логику материалистических взглядов. Слишком эфемерно то, что состоится в результате этих электрохимических реакций. Ты согласен со мной?

Он выдержал долгую паузу и просто сказал:

- Это ты не сам придумал. Этому тебя и меня когда-то учили другие. Я же спрашиваю о внутреннем ощущении всего этого. Я, например, в своё время долго не мог понять, откуда во мне дурацкая тяга ковыряться в земле.

Я тут же вспомнил, как отец любил возиться в саду, как ревностно выхаживал какие-то поросли...

- Ты, помнишь! Теперь я знаю – это от твоего деда. Он остался во мне именно этим и всю жизнь заставлял копать в огороде.

- Заставлял?...

- Конечно! А ты не испытываешь его влияние на себе? Это его поле.... Как любой генерирующий источник, наше серое вещество обладает своеобразным полем. В природе всё так устроено, начиная с атомарного уровня, с так называемых неделимых частиц, составляющих микромир, и заканчивая бесконечностью или необозримостью макромиров. Энергоёмкость и сила таких полей, конечно же, определяется множеством взаимосвязей, масс, каких-то реакций и движений. Об этом догадывались ещё древние, опиравшиеся в теориях своих на некую неделимую частицу, стоящую в изначалах всего и обладающую абсолютной информацией вот этого «всего». И это обладание во взаимосвязях и взаимопроникновениях, оставаясь постоянным, творит многообразие Мира.

- Ты хочешь сказать, атомы вон того огромного валуна на углу нашего дома содержат в себе то же, что и атомы моих слизистых оболочек? И если жилищная компания наконец-то уберёт этот камень, отправит его в дробилку и, наконец, бросит под дорожный каток, а я, состарившись, оставлю после себя какое-то там поле, то частицы камня и мой дух будут состоять из одного и того же?

- Ты просто всё разделил. То, что остаётся от твоего бремени, есть некая масса частиц, несущая в себе информацию обо всём, в том числе и о камне. А то, что останется от камня, тоже некая масса, помнящая, так сказать, и о тебе. Только условия, в которых состоялись ты и камень, а после уж и ваши останки, совершенно различны. Бесконечное варьирование таких условий позволяет великое многообразие сущего в природе, но заложено всё в простейшей частице. И посему мир един, и все начала его в этой малости, способной к бесконечным соприкосновениям. Была ли в начале одна единственная частица, что пришла в движение, то ли это горсть весьма похожих друг на друга атомов, брошенных природой в бесконечность – я не понимаю. Как не понимаю и того, одна ли частица меня случайным посредством компьютерных генераций соприкоснулась с полем твоих

извилин, или это было несколько сгустков моей свободно витающей и разрозненной энергии. Кстати, масса и сила твоего поля действительно зависит от многих условий, но и от упорства, от желания додуматься, докопаться до истин это тоже зависит. Работай головой – это не пустое пожелание. Тем самым ты запускаешь в движение большую массу частиц, несущую информацию о тебе. А от большего и остаётся всегда больше. Хотя может статься, что масса частиц, обращаемая вокруг твоей, так сказать, физики, окажется нужной в другом направлении, например в произрастании большой красивой или не красивой берёзы на твоей могиле...

Показалось, будто бы он хихикнул.

- Ты что, хоронишь меня? - я с сарказмом говорил это в микрофон и злился.

- Боже упаси! Я пытаюсь образно втолковать тебе свои соображения. То, что мы так запросто сейчас общаемся с тобой – изумительнейшая и удивительная случайность. Если сейчас в твоей электронике что-либо сгорит или сломается, этот случай никогда больше не повторится, как не повторится он и после отключения машины. Разве только за исключением того, что оставит твоя память.... Твой компьютер пишет этот разговор?

- Сейчас посмотрю...

- Стой! – он опередил мои действия. – Ты уверен, что не нарушишь алгоритм соприкосновения? Не трогай...

Эта просьба прозвучала по-мальчишески, как клянчание.

- Ты будешь сожалеть об этом? – в свою очередь спросил я, отчего грусть сухим и мучительным спазмом перехватила горло.

- Сожалеть будешь ты! Я просто по-прежнему останусь в тебе и буду всегда проявляться, так или иначе. Может быть... в болячках. У тебя болит сердце?

Он спросил это быстро и серьёзно.

- Да, пошаливает...

- Это не моё. Это у тебя от деда. Попробуй его каким-либо образом спросить об этом. У меня печень всё время побаливала. Вот это от меня, если что...

- Ты серьёзно?

- Вполне. Ты вот до сих пор не заправляешь после сна кровать. От кого это у тебя?

- Не знаю...

Мне стало чуточку стыдно. Действительно, я, как бывало в детстве, бросал неубранной после сна постель, надеясь на жену.

- Вот это от меня, - в голосе послышались нотки лёгкого, затянувшегося во времени, признания.

- Как? Ты же всегда гонял меня за это?

- Да. Но сам не любил заправлять постель. Во мне всё время это делала мама. Ты помнишь бабушку? Она до сих пор во мне, но вот до тебя не добирается. Что-то не срастается.... Детерминанта!...

Эти все «дтмрт» он как-то смачно дрыкнул и осёкся. Чуть затянувшаяся пауза гнетуще сдавила сердце. Я испугался молчания и, взываяюще, поспешил сказать:

- Не молчи!

Глупая бесстрастная машина, помигивая дисплеем, молчала. Какая-то утробная тупая всеохватывающая грусть охватила всё моё существо. Я бросился подстраивать программу, но в звуковой колонке повторилось булькающее «дтмрт» и голос отца успокаивающе вернулся в комнату.

- А я и не молчу. Я всегда что-то говорю... в тебе. Только ты не всегда желаешь меня слышать.

Чтобы продолжить разговор я перехожу к другой теме и спрашиваю:

- Ты занимался литературой всерьёз или попутно с другими увлечениями?

- Я не знаю... В моё время, как впрочем, и в ваше теперь, среди людей много зла и неустроенности. А мне всю жизнь хотелось написать хорошую добрую книжку о простых красивых людях. Казалось, о них не умеют писать или не замечают в том должной важности. Пытался постичь слово сам. А для этого нужно было знать жизнь этих людей, то есть прожить так же как они. Вот я и жил..., просто жил. А если что-то и писал, так это уже не от простоты, поскольку для этого уже нужно было что-то выяснять, размышлять, искать какие-то ответы. Простая жизнь живётся и всё.... В ней ничего не надо объяснять.

- Так может быть только на одноклеточном уровне.

Я сказал это безо всякой мысли, просто натягивая нить разговора. Но он ловко ловит меня на этом и тут же возвращается к своему «коньку»:

- Так не бывает ни на каком уровне! Все атомарные возмущения и соприкосновения пронизаны страстью изменения. Это вечные неудовлетворённость и поиск. Амёба при делении страдает и счастлива одновременно, как роженица. В умирающем теле страха пред смертью и ожидания другой жизни поровну. И в лежащем веками валуне так же изначально всё возмущено до предела. Разница лишь в факторах и условиях срастания и взаимодействия атомарных частиц.

- А время?

- Ты, вероятно, имеешь в виду изменения, происходящие с телами и отмечаемые сознанием, как некий промежуток между одним состоянием тела и другим? Причём, сознанием, принимающим эти промежутки направленными только вперёд?

- Ну..., - я протянул это для формы.

- То, что мы понимаем под временем – условность. Движения материи не определены ни передом, ни задом. Она движется во всех направлениях и изменяется бесконечно.

- Ты говоришь и о времени побежавшем вспять?

- Ерунда! Никакого вспять нет! Просто есть бесконечное множество направлений. Весь секрет в одновременности движения и изменений.

Возврата в прошлое нет в том виде, как тебе это представляется или, как хотелось бы привычно представить, как сложилось твоё сознание, как сцепились атомы твоего оконечного тела. Но простейший возврат можно наблюдать при расцеплении, например, связанного с кончиной, в формах других взаимодействий. Хотя и это можно допустить лишь условно. Движение распада происходит во все стороны, порождая тут же новые сцепки, никогда не повторяясь, даже на атомарном уровне, хотя возможность каких-то повторов с приближением к изначалам материи значительно возрастает. Это должно быть связано с возрастанием числа соприкасающихся частиц.

- Что-то подобное говорят те, кто исповедует Бога во всём, во всей природе. Ты был религиозным человеком? – мне стало как-то неловко за нелепость вопроса. Выходит, я не знал своего отца?

На что он решительно ответил:

- Об этом лучше знаешь не сам, а окружающие и, наверно, потомки. Так что спроси себя. Ведь ты спрашиваешь о веровании, а религиозность в большей мере это результат воспитания. И многообразие верований тому доказательство. Нет, моё воспитание не обременено религиозностью, хотя, судя по всему, наши с тобой деды умели верить и кое-кто, я допускаю, был весьма набожен. Нутром это всегда чувствовал, сам же верить не умел.

- Но в свою «теорию-то» ты веришь? Кажется, в нечто подобное в средние века верил Джордано Бруно. Говорят, он смеялся на костре над казнившими его, избличая их в неведении того, что они сами способствуют распространению его воззрений. Он верил, что, разлетаясь пеплом в пространстве, разносит своё учение в умы других людей, поскольку каждая частица его наделена будет духом его. Мы сказали бы теперь: частица, как носитель информации целого...

Невольно ловлю себя на том, что вернулся опять к атомам.

- А твой... Бруно верил или предполагал?

- А почему мой? Это ты об этом когда-то рассказывал мне.

- Да? Надо же, забыл. Плохо.... Теперь вот ты помнишь. Это хорошо.

Но

умаю, что и этот..., как его?

- Джордано Бруно...

- Вот, вот – Жорж тоже не очень верил, просто размышлял, представлял, предполагал. А может быть, его осенила частица кого из потомков, а? Я вот к тебе из прошлого, а к нему из будущего..., а?

- Тогда ещё не было электроники, - вставляю я.

- Но были мозги и всё те же движения в том же пространстве, - он язвил над моим недопониманием. – Так ты говоришь, его сожгли?

- Да, как еретика...

- Ну вот, а ты говоришь – электроники не было. Форм взаимосвязи бесконечно много.... Н-да, плохо!

- Плохо, что сожгли...?

- Чего уж хорошего, но ещё я сожалею, что не помню об этом. Где-то рвётся наша связь.... Очень часто своими поступками люди непростительно бездумно рвут свою память.

Говорил он это с нескрываемой грустью, а я ловил себя на мысли дополнить несказуемо удавшийся опыт. Вытащить из архива сканированный отцовский снимок, пользуясь графическим трёхмерным редактором, анимировать его и тогда наше общение приобрело бы ещё более интересную форму...

- А ты уверен, что не нарушишь состоявшейся модели? – в голосе просто спокойное сомнение и по-прежнему тихая грусть. – Тебе захотелось большего. Экстраординация...

Опять несуразица этих его «кстрдц»!

- Я попробую сделать это независимо от этой модели, а потом совмещу. Ты можешь мне как-то помочь...?

- Я? Н-да!... Вот ты меня уже и отделил.... Если честно, на твоём месте.... Нет! На нашем месте я вёл себя точно так же и обязательно кинулся бы экспериментировать, что, впрочем, ты и сделаешь, так или иначе....

- Ну, так ты поможешь?

- Признаться, я не понимаю, что помогает тебе сейчас. Я этого не умею.... И потом, тебе только кажется, что будешь делать что-то независимое. Ещё как зависимое....

- Я только попробую, ...пап? – сейчас я был так похож на мальчишку, что фальшиво слёзно просит разрешить ему взять покататься автомобиль. Как когда-то в отрочестве щекотно затрепыхалось в груди: «Разрешит – не разрешит?».

- У кого ты спрашиваешь разрешения? – слышу, как он ехидничает. – Ты проанализируй своё первое желание обратится ко мне. Оно случайно и совершенно не стабильно, и вот следом ты разбавляешь его новым желанием. А впрочем, поступай, как знаешь...

Я, по-мальчишески обрадовано, совершенно бессознательно потянулся стрелкой указателя на опцию запуска новой программы. Табло высветило изменение, мерцая неоновой клеткой: «новая задача». Тут в схеме что-то самопроизвольно срабатывает, и я слышу из стереофонических колонок меняющееся в тембре, раздражённое:

- Мальчишка! Тебе просто захотелось покататься..., а разобьёшь машину, кто и за что будет ремонтировать?... Или того хуже, сломаешь себе шею.... Реанимация, реставрация..., реминисценция...

Что-то случилось непоправимое, поскольку голос сорвался на высокие ноты, понёс ахиною из набора пустых, ничего не значащих слов и, в конце концов, перешёл на свист. Когда до меня дошёл смысл случившегося, машина умолкла. Было понятно, не стоит что-либо предпринимать, чтобы вернуть модель в действие. Она просто распалась в бездонных разветвлениях компьютерной памяти. Я отрешённо смотрел в монитор, бесстрастно мерцающий снежным серебром экрана...

- Привет, па! Ты один? А мне показалось, ты с кем-то разговариваешь..., - в комнату заглянул сын. – Слушай, ты опять сменил электронное разрешение на авторолле? Боишься, разобью или жалко...?

Я не дослушиваю и начинаю раздражённо отчитывать его:

- Мальчишка! Тебе просто хочется покататься, а разобьёшь машину... или того хуже...? Реанимация...

Тут, осёкшись, вдруг понимаю: это же самое только что слышал от...!

- Пап, ты что?... Ну, мне надо, во!... позарез! Пожалуйста, скопируй на мой ключ новое разрешение..., - он бросает небрежно на стол электронную карточку.

Я верчу её бездумно в руках, успокаиваюсь и беспомощно развожу руками:

- Впрочем, поступай, как знаешь..., - невольно с опаской поглядываю на компьютер...